

Интересная работа о драматургии Ширванзаде*

В конце XIX и первых десятилетиях XX вв. развитие армянского критического реализма принимает несколько своеобразный характер. Его дальнейшее развитие сопровождается формированием пролетарской культуры.

Пришедшие к революции широкие народные массы сделали рельефней, определенной противоборствующими тенденции общественной жизни. Нарастание и подъем нового пролетарского этапа освободительного движения, усиление влияния идеологии пролетариата с неизбежностью сказываются на творческом направлении критического реализма. Обличающий дух творчества крупнейших представителей критического реализма по отношению к буржуазно-помещичьему строю еще более заостряется. В художественном выявлении процесса неотвратимого падения, развала и духовного гниения буржуазного общества Александру Ширванзаде принадлежит выдающееся место. Драматургия Ширванзаде, представляющая важную часть творческого наследия писателя, по своей периодике совпадает с этой новой эпохой общественного движения. С точки зрения сложившихся новых исторических условий и подходит Гр. Тамразян к оценке драматургии Ширванзаде. В работе анализ произведений писателя ведется через исследование общих закономерностей реалистического искусства и выявление силы Ширванзаде как художника-реалиста.

В основе разбора художественной ткани драм Ширванзаде лежит правильное теоретическое положение о том, что писатель достигает глубоких социальных обобщений при вскрытии наиболее существенных, основных связей во взаимоотношениях людей. Засорение этих связей мелкими, случайными, крохотными фактами принижает, суживает сферу охвата жизни в литературе. Эта тенденция, присущая натурализму, отрывает человека от большой общественной среды, погружает его в ворох пикетных, будничных забот, акцентирует в человеке биологические качества. Сила реализма Ширванзаде, как правильно указывает Гр. Тамразян, кроется в умении писателя сводить отдельные явления к коренным движущим факторам жизни.

Но способность писателя проникать в существенные взаимосвязи людей не может сводиться к фиксации лишь тех черт, которые общи для явлений и определенных отношений. Принцип отбора, удерживания в искусстве общих черт явлений обрешает художественное познание на пассивно-созерцательное, механическое отражение, фиксирование определенных признаков, сторон в человеческих взаимоотношениях. Так как эти признаки могут быть случайными и необходимыми, второстепенными и важными, наносными и существенными, внешними и внутренними. Это общее даст представление о той или иной стороне явления, но никак не о его внутренней природе. В многообразной сфере общественных отношений могут быть общи и, скажем, отношения частных, личных знакомств, но ведь не частные знакомства образуют существенные взаимосвязи между людьми. В процессе художественного обобщения писатель-реалист типизирует, абстрагирует *такую взаимосвязь явлений, которая выражает внутреннюю сущность и природу конкретных явлений.*

При этом подходе вскрываются все богатство и особенности явлений, оживают и приобретают художественную полноценность создаваемые писателем челове-

*Հր. Թամրազյան, Շիրվանզադեի դրամատուրգիան, Հայպետհրատ, 1954:

ские характеры. Реализм Ширванзаде, поднявшийся до больших социальных обобщений, силен типичными для целой исторической полосы полнокровными характерами Элизбарова и Сагатела, Шпаник и Бархудар, Маргариты и Сопа.

Анализируя драмы Ширванзаде, Гр. Тамразян выявляет поразительную способность писателя в огромных социальных обобщениях вскрывать те существенные черты в связях, взаимоотношениях людей, которые вырывают наружу глубинные тайники человеческих дум, мыслей, переживаний.

Автор вполне справедливо полемизирует с теми критиками, которые в оценке отдельных произведений Ширванзаде, не усматривая широты поднимаемых вопросов и отрывая отображаемые явления от их внутренних связей, не выносят эти произведения за рамки нудного морализирования. Возражая против ошибочного толкования пьесы „Намус“, он отмечает, что великий реалист не мог ограничить себя задачами критики забитости, тупости и одичания патриархального крестьянства после-реформенной эпохи.

Развертывающиеся события драмы „Намус“, развитие характеров рассматривается в русле тех новых потоков жизни, которые под влиянием усиления роли капитала разрушая, сметая застоявшиеся устои, будоража людей от вековой спячки, входят в деревню. Драма оценивается во всей сложности охваченных явлений. С одной стороны провинциальная замкнутость, скованность дедовскими традициями, безропотное и фанатическое подчинение патриархальным нормам поведения, с другой — с безудержной силой вторгающийся интерес к голому чистогану образуют внутренние, взаимоисключающие течения жизни, отображенные драматургом. Гр. Тамразян с умением анализирует то конкретное, противоречивое состояние духовного мира героев, в которых отлагаются все последствия больших социальных сдвигов. Вскрытие, при разборе драм Ширванзаде, силы писателя отбирать и художественно синтезировать настроения, характерные для больших общественных слоев, — одно из серьезных достоинств книги.

Выбившееся из нормальной колеи патриархальное крестьянство, в сознание которого запало тревожное чувство растерянности, беспомощности перед властью денег, и не способное ничего противопоставить этой силе, свою накопившуюся злобу вымещает в семье, с неосознанной страстью обостряет трагизм своего положения. Гр. Тамразян вскрывает двойственность духовного состояния Бархудара — одного из рельефных образов пьесы. Страх перед развалом стародавних устоев ожесточает Бархудара, побуждает к тяжкому решению, вместе с тем в этом порыве предрассудков он сталкивается с чувством безграничной любви к дочери. Прослеживая эволюцию образа Бархудара и некоторых других образов пьесы, Гр. Тамразян показывает как благодаря реализму Ширванзаде социальная драма становится духовной драмой героев.

Эта драма вызвана проникновением в деревню новых отношений, установлением, упрочением новых и разрывом всех старых связей. Конфликт в этом понимании объемлет жизнь шире и глубже. В книге исследуется мастерство великого драматурга — в столкновении противоположных интересов поднимать большие проблемы человеческих судеб, в сплетении и борьбе различных стремлений освещать действительность всесторонне, в его многообразии. Ширванзаде в драматическом конфликте концентрирует такие перипетии во взаимоотношениях людей, которые приводят в активное состояние внутренний мир героев. Их горести и печали, отчаяние и смятение, суровость и жестокость оживают, становятся действенными на фоне обобщенных картин действительности. Герои Ширванзаде находятся в большом водовороте общественной жизни; в этом течении затрагиваются их самые коренные интересы, и потому они предстают с яркой очерченностью характеров.

На примере пьес „Намус“ и „Злой дух“ развивается правильная мысль об обусловленности действий в драматическом произведении внутренними побуждениями героев; автор вполне уместно ссылается на слова Ширванзаде о том, что драма требует крупных, рельефных черт в действиях и характерах.

В процессе типизации Ширванзаде удается в больших жизненных обобщениях раскрывать внутреннее богатство отдельных явлений, характеров благодаря тому,

что он социальные признаки в поведении людей воспринимает в строе их характера, в их духовных взаимоотношениях. Всей своей практикой реалистическое искусство опровергает вульгарно-социологическое, механическое деление единого процесса художественного познания действительности на процессы обобщения социальных мотивов и духовных свойств человека. обстоятельно останавливаясь на разборе пьесы „Из-за чести“, Гр. Тамразян, проникая в художественную ткань этого произведения, показывает, что характеры Элизбарова, Сагатела, Баграта, Сурсепи и др., созданные Ширванзаде, в своей психике, в строе натуры содержат социальные черты стяжательства и накопления, бездушия и бессердечности, праздного, паразитического приспособления к жизни. В реалистической драме „Из-за чести“, затрагивающей жизнь одной семьи, как правильно отмечает Гр. Тамразян, сказались хронические язвы всего буржуазного общества. „В драме. — пишет он, — действуют сестры и братья, мать и отец, близкие, родные, но все они одновременно выступают как представители больших общественных групп, слоев, дают целостное представление о нравах и порядках всего буржуазного общества“. Следя за ходом действия драмы, автор показывает как заостряется социальная драма буржуазной семьи по мере того, как все явственнее проступает нутро героев, проступают их подлинные побуждения, страсти и чувства.

Интересными обобщениями Гр. Тамразян анализирует образы так называемых столпов буржуазного общества. Раскрывая замысел пьесы „Из-за чести“, он показывает, что в ее основе лежит обличение крайнего духовного оскудения „цивилизовавшихся“ представителей буржуазии. Ширванзаде, проникнутый передовыми демократическими настроениями, у самого кануна первой революции создал произведение, в котором с поразительной силой реализма обнажил духовный, социальный крах буржуазии.

Реализм Ширванзаде достиг органической целостности в создании полноты характеров и выявлении существенных связей действительности. Своей полнокровностью образы Ширванзаде характеризуют типичные стороны различных периодов, всей родословной армянской буржуазии. В образе Минтоева, как правильно заключает Гр. Тамразян, Ширванзаде едкой сатирой высмеял последние и беспочвенные иллюзии армянской буржуазии обрести себе какую-либо реальную опору.

Гр. Тамразяном не обойдены молчанием идейные, художественные отступления писателя. В годы, последовавшие за первой пролетарской революцией, Ширванзаде в определенной мере испытал влияние настроений безисходности и беспросветности. Отступление с передовых, прогрессивных позиций времени с неизбежностью повлекло за собой ослабление чувства художественной правды. Характерно, что в ряде драм — в „Евгине“ и особенно в „Арменуи“, „На развалинах“ — Ширванзаде стремится случайности и исключительности приписать необходимость и некую закономерность. Реализм вовсе не чужд исключительности, но он не приемлет и отвергает такую исключительность, которая ведет к отрыву от всеобщности.

В книге затронуты вопросы общности и отличия драмы от других жанров литературы, принципов построения драмы, комедии и пр.

Но автора можно обвинить в ошибочности отдельных формулировок. Так, например, он пишет: „...конфликт рождается в результате внутренней и внешней борьбы, противоречия между мыслью и деятельностью“ (стр. 38). Эта формулировка крайне односторонна; она может быть распространена лишь на определенный тип драмы, и в конкретном случае данная постановка вопроса, претендующая на всеобщность, не увязывается с драматургией Ширванзаде.

Гр. Тамразян, сопоставляя драму и роман и правильно находя некоторые черты их своеобразия, иногда ради подчеркивания идейно-эмоциональной силы воздействия драмы умаляет качественные признаки романа (см. стр. 42, 44, 45).

Работа выиграла бы, если была бы дана оценка тех или иных традиций сценического воплощения пьес Ширванзаде. Это во многом обогатило бы трактовку, понимание образов.

В целом книга Гр. Тамразяна написана с чувством художественности; по постановке и освещению проблем эта работа активно содействует освоению замечательных традиций передовой культуры прошлого.

Живой, яркий язык книги вызовет к ней интерес широкого круга читателей.

Гар. Оганесян